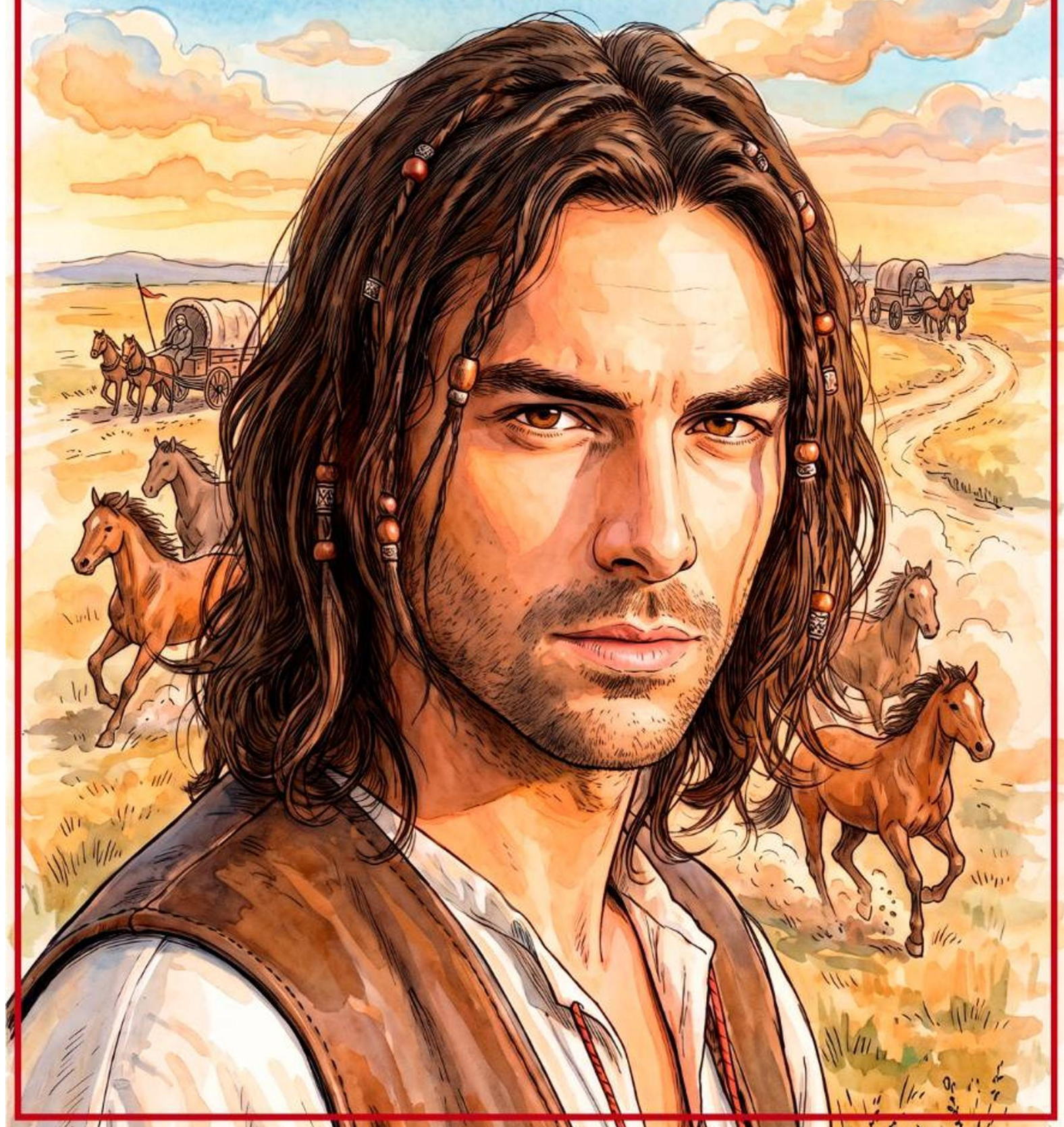

ТАТЬЯНА БУРЦЕВА

РУСИЧИ КАМНЬ

Татьяна Бурцева
Русичи: Камиль

«Автор»

2026

Бурцева Т. К.

Русичи: Камиль / Т. К. Бурцева — «Автор», 2026

Спин-офф, раскрывающий историю одного из персонажей романа «Не время для битв» из цикла «Русичи». Камиль, он же Константин, сын татарского сотника и русской пленницы, человек двух кровей и двух миров, начал свой путь на Русь ещё ребёнком. Он один, но не одинок. В его груди бьётся степное горячее сердце кочевника, но также его хранит благословение рано оставившей его матери. Кого он встретит прежде, чем найдёт свой дом?

© Бурцева Т. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Татьяна Бурцева

Русичи: Камиль

Глава 1

Нет пропасти более глубокой, чем горе мальчика, потерявшего мать.
Эпиграф автора.

Ощущение, что за ним наблюдают, не проходило. Оно было как ночной холод и проникало под кожу, заставляя кровь леденеть. Камиль, присев на корточки у свежей могилы, чувствовал его всем своим существом. Степной ветер, обычно горячий, сейчас казался прохладным и зловещим, шелестя травой, словно шепча что-то недоброе.

Он поднял голову, и сердце его сжалось в комок. Прямо перед ним, в нескольких шагах, стоял... шакал. Не просто рыскающий зверь, а будто нечто иное. Его янтарные глаза, словно два уголька, горели в полумраке, отражая последние лучи заходящего солнца. Они смотрели внимательным, немигающим взглядом, в котором не было ни страха, ни агрессии, только какое-то древнее, непостижимое ожидание.

Камиль почувствовал, как по спине пробежал холодок. Под невысоким холмиком была похоронена его мать. И сейчас, когда он никак не мог с ней проститься, чтобы тронуться в путь, его потревожили.

— Уйди, — глухо произнёс мальчик, и его голос дрогнул. Он чувствовал себя таким беззащитным перед этим существом. Его голова бессильно склонилась к могильному холмику, словно ища утешения в земле, которая теперь хранила самое дорогое.

Шакал не уходил. Он стоял, словно изваяние, его силуэт чётко вырисовывался на фоне темнеющего неба. Затем он что-то протявкал. Звук был высоким и пронзительным, отчего Камиль вздрогнул. Шакал по-собачьи сел на задние лапы, выставив передние рядом, и снова посмотрел на Камилея. В его взгляде теперь читалось нечто большее, чем просто выжидание. Это был зов. Зов собратьев. Зов на скорый пир.

Камиль поднял голову снова. Он видел, как вдали, на гребне холма, мелькнули ещё два силуэта. Они двигались бесшумно, словно тени, и тоже направлялись сюда. Страх, который он пытался подавить, теперь захлестнул его с головой. Он хотел бежать, кричать, но ноги словно приросли к земле.

Он посмотрел на могилу. На холмик, который ещё недавно казался ему таким родным и близким. Теперь он ощущал его как границу между миром живых и миром сумрачных вестников смерти.

Шакал снова протявкал, более настойчиво. Его собратья приближались. Камиль чувствовал их присутствие, их предвкушение, их ожидание. Он закрыл глаза, пытаясь спрятаться от этого ужаса.

Пусть.

Это слово прозвучало в его голове как тихий шёпот. *Пусть.* Он не знал, что это значит. Может быть, это было смирение. Может быть, это было принятие. Или, может быть, это было что-то совсем другое, что-то, что он ещё не мог понять и осознать.

Он открыл глаза. Шакалы были уже близко. Их глаза светились в темноте, словно звёздочки, упавшие на землю. Они не выглядели угрожающе. Они выжидали.

Камиль почувствовал, как его тело обмякло. Он больше не боролся. Он больше не боялся. Он просто смотрел на них, на этих странных, древних существ, которые пришли сюда, чтобы разделить с ним этот момент.

Пусть.

Он снова повторил это слово про себя. И в этот раз оно прозвучало не как вздох отчаяния, а как утверждение. Он был здесь. Они были здесь. И, возможно, это было именно то, что должно было произойти.

Он почувствовал, как холодный воздух проникает сквозь тонкую ткань его рубашки, но это уже не вызывало дрожи. Он сжал руку на материнном образке и ощутил странное спокойствие, словно невидимая длань успокаивала его внутреннюю бурю. Шакалы приблизились, их силуэты теперь были отчётливо видны в сгущающихся сумерках. Они не рычали, не скалили зубы. Они просто плавно переставляли лапы, их янтарные глаза были устремлены на Камилля, и в этом взгляде не было ни злобы, ни любопытства, а скорее... понимание.

Первый шакал, самый крупный, медленно подошёл ближе. Он остановился в паре шагов от мальчика, склонил голову и тихонько вздохнул. Этот вздох был наполнен чем-то, что Камиль не мог определить, — то ли грустью, то ли усталостью веков. Затем, к полному изумлению Камилля, шакал опустил на землю, прижавшись боком к могильному холмику, словно разделяя его горе.

Камиль посмотрел на него, потом на двух других шакалов, которые также начали усаживаться. Они не были хищниками, пришедшими на пир. Они были... свидетелями. Или, возможно, хранителями. Хранителями скорби мальчика, этого момента и этой тишины, нарушаемой лишь шелестом трав и далёким криком ночной птицы.

Он снова посмотрел на могилу. Теперь она не казалась ему границей. Она казалась началом. Началом чего-то нового, чего-то, что он не мог предвидеть, но что теперь принимал.

В его голове снова прозвучало слово: «Пусть». Сейчас оно стало не просто словом. Оно стало ощущением. Ощущением освобождения. Ощущением того, что он больше не один. Что даже в самой глубокой скорби, в самом тёмном месте есть те, кто приходит не чтобы пожить, а чтобы разделить. Чтобы быть рядом.

Он поднял голову и посмотрел на небо, где уже начали появляться первые звёзды. Они тускло горели в тёмном небе так же, как глаза шакалов в упавшей на степь мгле. И в этом Камиль увидел не угрозу, а обещание. Обещание того, что даже после самого тёмного дня наступит рассвет. И чтобы увидеть этот рассвет, нужно просто принять то, что приходит в ночи.

Он больше не чувствовал себя маленьким и беззащитным мальчиком посреди степи. Он чувствовал себя частью чего-то большего. Частью этой казавшейся бескрайней земли и этой тихой ночной встречи.

Сейчас он знал, что это только начало. Начало пути, по которому он пройдёт, встретив новых друзей, врагов, не расставаясь с материнным образком.

Глава 2

Камиль только наполовину был татарин. На самом деле его мать была русской. Отец увёл её давно откуда-то из-под Рязани, сделал наложницей. От двух жён у него уже было два сына, но по-настоящему любил он русинку и её ребёнка. Эта любовь была странной, запретной, неправильной с точки зрения обычая, но именно она оказалась самым прочным, что было в жизни сотника. Он не мог дать русской женщине ни «венца», ни почёта, ни места в роду — но он дал ей то, чего не давал законным жёнам: своё сердце. Сердце сурового степного кочевника.

Отец был сотником, имел хозяйство, табунок кобылиц. В первой половине своей жизни Камиль ни в чём не нуждался. Он рос под жарким солнцем степи, учился ездить верхом раньше, чем ходить, стрелять из лука, понимать язык ветра и шёпот трав. Он был любим, обласкан, и мир казался ему бескрайним и безопасным. Но мир в степи был жесток и переменчив. Однажды отец, втянутый в улусные споры, поддержал не того, кого следовало. И однажды его не стало. Внезапно, жестоко, безжалостно. Мир Камиля рухнул. Им с матерью чудом удалось спастись, бежать, оставив позади всё, что было им дорого.

Мать, сжавшаяся от горя и страха, приняла решение. «Теперь настало время возвращаться», — сказала она, и в её голосе звучала стальная решимость. Камиль не спорил. Он не знал, что такое Русь, эта загадочная земля, о которой мать рассказывала ему по ночам. Она пела ему колыбельные на незнакомом языке, рассказывала истории о лесах, реках, о людях с русыми волосами и голубыми глазами. В этих рассказах Русь представляла ему как нечто далёкое, таинственное и недостижимое.

С самого появления Камиля на свет мать берегла секрет, который мог стоить ей жизни. В глубокой тайне от сотника и всего улуса она окрестила сына. Быть может, помог кто-то из русских невольников или нашёлся священник среди пленных, а может, она сама, в отчаянии по вере, совершила то, что могла. Так у Камиля появилось второе имя — Константин, которое стало для Камиля сокровенным, вторым «я», о котором никто не должен был знать.

Путь на Русь начался для них ранней весной, когда степь ещё не успела просохнуть от зимних дождей, а по ночам земля схватывалась хрупким ледком. Они шли пешком, потому что ни лошадей, ни повозки у них не осталось — всё сгинуло в огне улусной смуты. Также, как и все люди, которые их окружали, также как сводные братья...

Мать Камиля, женщина, привыкшая к размеренной жизни в хозяйстве сотника, теперь куталась в поношенный овчинный тулуп и шла, опираясь на крепкую палку, которую подобрала на пепелище. Камиль, ещё мальчик, но уже не ребёнок, нёс узелок с немногими пожитками: пара лепёшек, небольшой запас воды, огниво.

Когда они вышли в степь, мать впервые за долгое время заговорила с ним не как с ребёнком, а как с равным. Она рассказала, что была родом из-под Рязани, из деревни, стоявшей на высоком берегу Оки. Что у неё была семья — отец, мать, младшая сестра. Что её украли в летнюю пору, когда она ходила за ягодами, и увезли в степь, и она долго плакала, и хотела умереть, и не умерла только потому, что вскоре поняла: у неё будет ребёнок. Камиль слушал и впервые по-настоящему понимал, что мать его — не просто мать, а женщина с собственной судьбой, с собственной болью, с собственной утраченной родиной.

Первые дни пути были самыми страшными. Они шли на север, туда, где, по рассказам матери, начинались леса и русские деревни. Но степь не отпускала их просто так. Однажды ночью, когда они укрылись в овраге, мимо прошёл конный отряд — те самые люди, которые убили отца.

Они лежали, вжавшись в холодную землю, пока стук копыт не стих вдали. Мать дрожала всем телом, но не от страха — от горя. Страшные воспоминания вновь накатили. Она смотрела на сына и видела в нём отца, её мужа поневоле, того, кого уже с ними не было.

И тогда она впервые заговорила с ним о Руси не как о сказке, а как о цели.

— Там нас никто не найдёт, — шептала она, глядя его по голове. — Там леса, там люди молятся своему Богу, там моя семья и никому не будет дела, что ты наполовину татарин. Ты будешь Константином. Ты будешь русским.

Камиль слушал и молчал. Он не знал, что значит «быть русским». Он знал только, что мать его любит, и что её голос — единственное, что осталось от прежней жизни.

Дни шли за днями. Степь менялась: сначала ковыль, потом солончаки, потом первые перелески. Мать слабела на глазах. Она старалась не показывать усталости, но Камиль видел, как она спотыкается, как всё чаще останавливается передохнуть, как её лицо становится серым, а губы — сухими и потрескавшимися. Они питались кореньями, редкими ягодами, иногда Камиллю удавалось поймать суслика или вытащить из норы молодого сурка. Но этого было мало. Мать отдавала ему свою долю, говоря, что не голодна, и он, будучи ребёнком, верил — пока однажды не заметил, как она украдкой ела кору с деревьев.

Однажды они наткнулись на кочующих половцев. Те приняли их за беглецов, но не тронули — то ли пожалели, то ли просто не захотели связываться. Один старик, глядя на мать Камилля, произнёс тихим свистящим голосом:

— Женщина, ты не дойдёшь. Оставайся. Мы возьмём тебя в род. Сын вырастет — будет пастухом.

Мать покачала головой. В её глазах была та самая стальная решимость, которую Камиль запомнил навсегда.

— Я должна дойти, — ответила она. — Я обещала.

Она не сказала, кому обещала. Может быть, отцу Камилля. Может быть, самой себе. Может быть, Богу, в которого она верила тайно и страстно.

Половцы дали им немного кумыса и лепёшку. Это было спасение, но ненадолго. Через несколько дней мать слегла. Она не могла идти. Камиль попытался нести её на себе, но он был слишком мал, а она — слишком слаба. Тогда он сделал волокушу из веток, и тащил её, пока хватало сил. Мать лежала на этой волокуше, глядя в небо, и иногда начинала говорить — тихо, прерывисто, будто во сне.

— Помнишь, я пела тебе про речку? — спрашивала она. — Широкая, светлая, а на берегу — ивы. Мы туда придём. Ты увидишь.

Камиль кивал, хотя уже понимал, что не придёт. Он видел, как жизнь уходит из неё, как тает её тело, как глаза становятся прозрачными, будто стекло. Он ничего не мог сделать. Он был ребёнком, а степь не прощает слабости.

В одну из ночей — холодную, звёздную, когда ветер стих и стало слышно, как где-то далеко затыкал шакал, — мать позвала его. Голос её был едва слышен.

— Константин, — сказала она, и он вздрогнул, потому что это имя она произносила только в самые важные минуты. — Подойди.

Он сел рядом с ней, взял её руку. Рука была холодной, тонкой, почти невесомой.

— Я не дойду, — сказала она. — Ты пойдёшь один. Ты сильный. Ты весь в отца.

Камиль хотел возразить, сказать, что не пойдёт без неё, что останется здесь, что будет ждать, пока она поправится. Но мать покачала головой, и в этом движении было столько любви и боли, что он замолчал.

— Возьми, — она вытащила из-за пазухи образок. Маленький, потемневший от времени, с ликом святого Николая, который она когда-то сняла со своей шеи. — Это тебе. Мой Бог тебя защитит. И помни: ты не татарин и не русский. Ты — Камиль. И Константин. Ты — мой сын.

Она замолчала, закрыла глаза. Камиль сидел рядом, держа её руку, пока та не стала совсем ледяной. Он не плакал. Он просто смотрел, как её дыхание становится всё тише, пока не прекратилось совсем.

Он просидел с ней пока не начало темнеть и тогда начал копать могилу — неглубокую, потому что земля была твёрдой, а руки слабыми. Он скатил в ямку её тело, укрыл землёй и камнями, чтобы не достали звери. И положил крест-накрест две палки, так делали русские рабы. Он не знал молитв, он был потерян и сломлен горем. А потом пришёл шакал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.